серую свиристящую тучу воробьев. С террасы
донесся звонкий голос студента Боярышкина, а
еще чей-то звучный мужской. Незнакомый голос.
Владимир вышел на крыльцо, под зеленым полосатым
шатром листвы дикого винограда будто за-
плетавшим крыльцо и террасу, и висевшим а
голубой резьбы карниз. Зеленые пенистые шапки
лип.
Боярышкин махал острой фиолетовой головой,
обращаясь к сидевшему
против него молодому бородатому человеку
учителю Бланке.
— Читал его, и несмотря на то, что я сам бедный
хлеборов-казак и ко всем привилегированным
классам вполне естественно отвра-
щение и ненависть, представьте, тут я до
чертиков малый. Это отмирающее сословие!
Я сам чуть не становлюсь дворянином и
помещиком, с восторгом вглядываясь в идеал
женщины, более за интересы, глаз-
ом, черт знает что! Вот, дорогой, что зна-
чит гений. Можно и веру переменить.
Мая кисть белого пояса, иро-
нически улыбаясь рассматривая на подоле
рубаки красное вышитое тушью дерево.
Мая валялась в кресле, разговор ее, видимо, не
мало не интересовал. Она все сидела, что-то
потерявшим и чего-то ищущим глазами
внимательно глядела на фиолетовую в царапинах
голову Боярышкина. Владимир поклонившись
прошел мимо и постучался к отцу в кабинет.
Сергей Платонович на прохладной комнатой
Кунцевке перелистывал книгу
«Русского богатства». На полу валялся кожаный
костяной нож.
— Тебе что?
Владимир вобрал голову в плечи, перекрестил
себе рубашку.
— Я шел с мальчиком..., — начал он нерешительно, но
встретил светящуюся загадку улыбку и глядя
на круглый отцовский живот, обтянутый чесу-
чевой жилеткой, все решительней продолжал:
— И слушал, как Дарья говорила...

2

У Сергея Платоновича по вечерам собиралась
интеллигенция: Боярышкин — сту-
дент Московского политехникума, учитель балаха
— тощий, с недюжинным самолюбием